

Феноменология эмоций в контексте хабитуальной структуры сознания

В данной работе акцент делается на выявлении и определении феноменологии эмоций. Автор стремится к определению различий разнообразных феноменов сознания, входящих в единую структуру, а также к выявлению особенностей эмоциональной интенциональности. Задачи, предлагаемые для решения, следующие. Во-первых, «оторвать» от феномена эмоций несвойственные ему предикаты, т. е. выявить сам феномен. Во-вторых, выявить необходимые связи между всеми феноменами сознания. И, в-третьих, наметить контур рассмотрения эмоциональной интенциональности в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

Ключевые слова: феноменология; феноменология эмоций; когнитивная феноменология; соматическая феноменология; конативная феноменология; интенциональность; эмоциональная интенциональность; когнитивная интенциональность; аффективность; хабитуальность.

1. Введение

В последнее время интерес к проблематике эмоций заметно возрастает. Эта тема интересует не только философов и феноменологов, но также психологов, психотерапевтов, ученых естественных наук (в частности, нейропсихологов, нейрофизиологов) и др. Проводятся междисциплинарные исследования, ведутся активные дискуссии на международных конференциях. Вопросы, которые интересуют ученых, касаются онтологии и феноменологии эмоций, рациональности эмоций, эпистемического и когнитивного измерения эмоций и их культурной специфики, а также конституирования эмоций [8, с. 507]. Поэтому, прежде чем начать наш анализ феноменологии эмоций в структуре сознания, необходимо отметить принципиальное различие в подходах к рассмотрению сознания в классической философии и неклассической.

Классический подход в рассмотрении сознания заключался в том, что, несмотря на выявление структуры сознания, акцент делался на какой-либо ее части, считающейся преимущественной и главной. В результате из виду упускались другие части сознания, как несущественные. Так, например, вся классическая метафизика отождествляла сознание с разумом, как единственным и главным элементом человеческой природы. Причем разум понимался в разных смыслах: либо как чисто рассудочная деятельность, либо как дух, который проявляет себя как в ценностной деятельности и рассудочной, так и в чувственной. Надо отметить, что эмоциям не уделялось должного внимания, так как они считались низшей частью души, проявляющей себя в виде страстей и требующей своего собственного самовозвышения.

С переходом к неклассической философии отношение к разуму меняется на негативно критическое и темой исследования становится все то, что обычно не являлось разумным, либо все то, что считалось неразумным. Возникает множество направлений в философии, таких как психоанализ, экзистенциализм, философия жизни, волюнтаризм и т. д. В результате оказывается, что это «неразумное» не так-то просто тематизировать и что традиционный рассудочный подход к ис-

* Татьяна Александровна Терентьева, аспирант кафедры онтологии и теории познания ИСПН УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: Ariadna_tatyana@mail.ru

следованию не в состоянии ухватить данные феномены. Поэтому возникает проблема методологии.

Кроме того, изначально не было единства в понимании предмета исследования. Поскольку традиционно человеческая душа понималась состоящей из двух частей – разума и чувств, то выходило, что все, что не является разумом, является чувством. И под понятие «чувство» стали подводить множество феноменов, имеющих различную природу. Так, например, в психологии долгое время считалось, что телесные ощущения и эмоциональные переживания суть одно и то же. Даже в языке не нашлось разных слов, чтобы отметить различную специфику данных феноменов. В философии аналогичным образом происходило смешение разных феноменов сознания. Чувством можно было называть и ощущение, и эмоцию, и даже ценностные переживания, как это было у М. Шелера [3, с. 383]. Поэтому, чтобы разобраться во всех этих феноменах, необходимо прежде всего признать, что мы имеем дело с абсолютно разными, но необходимыми структурными элементами сознания человека. Необходимым, на наш взгляд, является проведение феноменологического эйдетического исследования, на основании которого удастся различить природу многообразных феноменов сознания. Представляется, что в результате, кроме традиционных феноменов, как разум и рассудок, должны будут выявиться, как минимум, еще четыре тематических предмета – ощущения, эмоции, чувства и ценностные переживания.

Однако в данной работе хотелось бы остановиться, прежде всего, на теме эмоций. Задачи, которые предлагаются для решения, следующие: во-первых, используя апофатическую методологию, «оторвать» от данного феномена несвойственные ему предикаты, т. е. выявить сам феномен; во-вторых, выявить необходимые связи между всеми феноменами сознания; в-третьих, наметить контур рассмотрения эмоциональной интенциональности в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

В данной статье автор намерен развернуть мысль о том, что феноменология эмоций не является всего лишь соматической феноменологией, но является одним из важных компонентов общей интенциональной структуры сознания. Наряду с эмоциональными компонентами, в интенциональную феноменологию включаются когнитивные, конативные, соматические, а также аксиологические и волевые компоненты [11, с. 420–429]. Каждый такой компонент уместно рассматривать отдельно, но не следует забывать, что все эти компоненты взаимосвязаны и составляют общую структуру, которую можно назвать хабитуальной структурой сознания. Данная структура не есть нечто застывшее и универсальное и, несмотря на устойчивость, изменяется и имеет оригинальное содержание у всякого индивидуального сознания.

2. Выявление предмета феноменологии эмоций

Феноменология эмоций в качестве отдельной темы выделилась сравнительно недавно. Но, к сожалению, данная тема поначалу представляла собой ансамбль множества различных феноменов. Либо тему эмоций отождествляли с темой любви и ненависти, как у Ф. Brentano, либо эмоции приравнивались к ценностным переживаниям, как у М. Шелера, либо эмоции воспринимались как крах разума в стрессовой ситуации, с которой разум не справляется и отдает бразды правления эмоциональному плану, как у Ж.-П. Сартра.

Рассмотрим более подробно данные позиции. По мнению Ф. Brentano, мышление, удовольствие, эмоции, желания, зрение, слух и т. д. относятся к явлениям внутреннего восприятия. Испытывая эмоцию, согласно Ф. Brentano, мы воспринимаем, и воспринимаем эмоционально. Однако в основе всех восприятий должны находиться представления, ибо, по мнению Ф. Brentano, без представлений мы не можем ни судить, ни чувствовать. Представления мы можем назвать базо-

вой картиной мира индивида, опираясь на которую он может выносить суждения, выстраивая свое поведение, и может чувствовать [1, с. 77–91]¹. Здесь чувство неразрывно связано с представлением. Изменение представления приводит к изменению чувства. Допустим, мы считали господина Н. своим другом и радовались этому, но он нас обманул, и изменение представления о нем привело нас к разочарованию. Здесь мы можем обнаружить когнитивный аспект эмоций (и в этом заслуга Ф. Brentano), который в психологии того времени не учитывался. Однако Ф. Brentano все-таки не дошел до действительного выявления сферы эмоций. У Ф. Brentano в сфере эмоций присутствуют только любовь и ненависть, которые, по сути, являются сложно конституированными феноменами, и эмоциональная сфера занимает в них некоторую часть наряду с другими, несколько не умаляемыми частями, как то: представления, убеждения, ценностные переживания, принципы и т. д. Поэтому любовь и ненависть неверно называть эмоциями, как то же, что сводить целое к части.

Обратимся теперь к теории эмоций Ж.-П. Сартра [12, с. 32–91]. У Ж.-П. Сартра наблюдается одна интересная особенность. Больше всего внимания он обращает на отрицательные эмоции, а именно ужас, страх, гнев, печаль. Если говорить о природе данных эмоций, то они хотя и включаются в структуру сознания, т. е. осознаются, но генетически пребывают в себе как сознание мира. Здесь Ж.-П. Сартр затрагивает важный аспект нашей связи с миром и ставит вопрос онтологического статуса эмоций. Либо эмоции есть чистое порождение нашего сознания и они полностью субъективны, либо эмоции являются «приходом» из мира, значит, они объективны, и мир говорит с нами через эмоции.

По Ж.-П. Сартру, человек может находиться в двух состояниях сознания – либо в состоянии рационального сознания, воспринимающего мир детерминистически, либо в состоянии эмоционального сознания, воспринимающего мир магически. Как раз эмоциональное сознание, по Ж.-П. Сартру, и является сознанием мира. Непосредственной связи между этими сознаниями нет, это своего рода скачок. Причем скачок происходит в том случае, если наши цели и желания наталкиваются на какие-либо препятствия и их невозможно удовлетворить. Тогда человек, по Ж.-П. Сартру, отказывается от рационального сознания и погружается в эмоцию, которая преображает мир магическим путем².

¹ «Von diesem Gerichtetsein auf ein Objekt können wir nun drei Grundklassen unterscheiden, 1. Vorstellen, 2. Urteilen, 3. Lieben oder Hassen. Das Vorstellen ist die erste Klasse; sie ist die allgemeinste. Wir können nichts urteilend anerkennen oder verwerfen und nichts lieben oder hassen, ohne es vorzustellen. Minderen Anhalt haben wir für die Entscheidung der Frage, ob die Klasse des Urteils, oder die von Liebe und Hassen der Ordnung nach voranzustellen sei. Wir können etwas lieben, etwas wünschen, ohne darüber ein Wissen oder auch nur eine Meinung zu haben, ob es sei oder nicht sei. Wir können aber auch etwas anerkennen, ohne es zu lieben oder zu hassen, zu begehren oder zu verabscheuen». («Мы можем выделить три основных класса направленности на объект: 1. Представления. 2. Суждения. 3. Любовь и ненависть. Представления – это первый класс; он наиболее универсален. Мы не можем ничего принять или отбросить в суждении, не можем ничего любить или ненавидеть, не представляя себе этого. Но мы не можем с той же уверенностью отвести второе место в этой иерархии классу суждений или же классу любви и ненависти. Мы можем любить нечто, желать нечто, не зная или даже не предполагая, существует ли оно или нет. Но мы можем также признавать нечто, не любя или ненавидя его, не стремясь к нему или стремясь прочь от него») [13, с. 2].

² «We can now conceive what an emotions is. It is a transformation of the world. When the paths before us become too difficult, or when we cannot see our way, we can no longer put up with such an exacting and difficult world. All ways are barred and nevertheless we must act. So then we try to change the world; that is, to live it as though the relations between things and their potentialities were not governed by deterministic processes but by magic. But, be it well understood, this is no playful matter: we are cornered and we fling ourselves into this new attitude with all the force at our command. Note also that our effort is not conscious of what it is, for then it would be the object of a reflection. It is above all the seizure of new relationships and new demands. To put it simply, since the seizure of one object is impossi-

Возникает ряд вопросов. Почему рациональное сознание сугубо индивидуально и субъективно, а эмоциональное сознание является так называемым сознанием мира? Выходит, что в структуре сознания субъекта нет места для эмоций? Без сомнения, большинство эмоций уже находится в структуре сознания, даже неосознаваемые эмоции, и делает это сознание качественно содержательным. Поэтому и проявляется некая эмоция, например такая, как гнев, которая является реакцией на определенные события, потому что существует связь в нашем сознании между произошедшими событиями, оценкой данных событий, желанием индивида и эмоцией.

Что касается магического преобразования мира с помощью эмоций (причем негативных), то данная концепция представляется наивной и несостоятельной. Если взять традиционное в философии толкование магии, то оно, прежде всего, отождествлялось со знанием скрытых сил природы и умением ими управлять. Не случайно Пико делла Мирандола называл себя естественным магом, а за И. Ньютоном также сохранилось имя мага, поскольку он открыл таинственные силы тяготения, хотя и не смог их объяснить. Надо сказать, что как в эпоху Возрождения, так и в Новое время многих ученых называли магами, поскольку они знали то, что недоступно большинству. У Ж.-П. Сартра же магическое ассоциируется с ужасным, с хаосом, что выдает его беспомощность и незнание.

Рассматривая феноменологическую аксиологию М. Шелера [4, с. 341–369], можно сказать, что только у него эмоции занимают центральное место. Эмоциям он отводит ведущую роль в существовании человека, сравнивая вслед за А. Августином и Б. Паскалем «*Ordre du coeur*» (порядок сердца) и *Ordo Amoris* (порядок любви) с порядком ума или разума.

Говоря об эмоциональном априори, на первый план М. Шелер выдвигает ценности любви и ненависти, как и Ф. Brentano.

Далее эмоции у М. Шелера предстают в сложной богатой иерархии, где мы можем выделить ощущения, телесные состояния, непосредственно эмоции и духовные чувства. И, конечно же, говоря об эмоциональности духа, М. Шелер делает акцент на «высших эмоциях», т. е. духовных чувствах.

На наш взгляд, М. Шелер совершает общую ошибку, подводя под понятие эмоций целый ансамбль различных феноменов человеческого сознания. Безусловно, все эти феномены тесно связаны друг с другом и влияют одно на другое, но сводить все к одному было бы грубой ошибкой.

В результате оказывается, что предмет феноменологии эмоций так и не был четко определен. Под понятием эмоций чаще всего фигурировали другие феномены, которые подменяли собой непосредственную сферу эмоций.

Если говорить о психологическом подходе в данной области, то долгое время господствовала позиция, которая объясняла природу эмоций, исходя из ощущений. Либо эмоции оказывались отголоском, тенью ощущений, как у В. Джеймса,

ble, or sets up an unbearable tension, the consciousness seizes or tries to seize it otherwise; that is, tries to transform itself in order to transform the object» [12, с. 63].

«Теперь мы можем понять, что такое эмоция. Это превращение мира. Когда намеченные пути становятся слишком трудными или когда мы не видим пути, мы не можем больше оставаться в этом мире, столь требовательном и трудном. Все пути перекрыты, однако нужно действовать. Тогда мы пытаемся изменить мир, т. е. пережить его, как если бы отношения вещей к их потенциальным свойствам регулировались не детерминистскими процессами, а магией. Нужно понять, что речь идет не об игре: мы здесь загнаны в тупик, и мы бросаемся в это новое отношение со всей силой, которой мы располагаем. Нужно понять также, что эта попытка, как таковая, не является сознательной, потому что тогда она была бы объектом размышления. Она есть, прежде всего, принятие новых отношений и новых требований. Просто поскольку принятие объекта невозможно или оно вызывает невыносимое напряжение, сознание принимает его или пытается принять иначе, т. е. оно преобразует себя именно для того, чтобы преобразовать объект».

либо полностью отождествлялись с ощущениями, как у Г. Ланге. Данная теория получила название «периферической» теории эмоций Джеймса–Ланге.

В. Джеймс весьма своеобразно поменял местами эмоции и телесные ощущения, сведя эмоциональные переживания к инстинктивным реакциям. Он говорит: «Мы плачем не потому, что мы опечалены, но, наоборот, мы опечалены, потому что плачем; мы бьем другого не потому, что приведены в ярость, но мы приведены в ярость, потому что бьем другого; мы дрожим не потому, что боимся, но, напротив, мы боимся, потому что дрожим» [14, с. 275]. В данном случае сознание у В. Джеймса играет обычную функцию адаптивного механизма.

Подводя итог, можно сказать, что дифференциация феноменов происходила медленно и слабо. Поэтому наблюдались смешение и подмена понятий.

3. Эмоциональная интенциональность как разновидность когнитивной интенциональности

Для того чтобы выявить феномен эмоций, необходимо раскрыть качественное своеобразие эмоциональной интенциональности. Но сложность раскрытия заключается в том, что различные виды интенциональностей необходимым образом связаны между собой, что и приводило ранее к смешению. Поэтому далее будут решаться одновременно две задачи: выявить своеобразие феномена эмоций и обнаружить необходимые связи между всеми феноменами сознания.

Для того чтобы различить соматическую и эмоциональную феноменологии, необходимо отметить интенциональность, присущую эмоциям, но отсутствующую у телесных ощущений. На это, в частности, указывает У. Кригель [11, с. 423–427].

Он утверждает, что эмоции не просто обладают интенциональностью, но данная интенциональность есть разновидность познавательной, или когнитивной, интенциональности. И действительно, в раннем возрасте, когда мыслительные конструкции находятся еще в стадии становления, окружающий мир активно познается эмоционально, создается «копилка опыта», еще не осознаваемая, но уже присутствующая в сознании как конструкция (или как варианты возможных сценариев поведения). В дальнейшем все эмоции, когда-либо испытанные человеком, начинают «распаковываться», т. е. осознаваться. Когнитивная интенциональность становится основной, используя уже накопленный материал эмоциональной сферы. Бывают и другие варианты. Отказывая эмоциональной интенциональности в праве быть, когнитивная интенциональность перечеркивает опыт эмоций. Это приводит к тому, что общая гармоничная структура не создается, но в душе оказывается много неосознаваемых эмоций, которые включаются стихийно и бесконтрольно. К таким эмоциям относятся, как правило, негативные эмоции, которые были пережиты в раннем возрасте и в дальнейшем были благополучно забыты. Созданная ими структура поведения разумом не осознается или игнорируется. К таким эмоциям мы можем отнести страх.

Однако чаще всего большинство эмоций благополучно встраивается в общую структуру сознания, и всякая эмоция оказывается привязанной не только к определенной группе опыта, но и к суждению об этом опыте.

Те же эмоции, которые оказались непринятыми, начинают выполнять «подрывную» деятельность. Либо они становятся катализаторами изменения установившейся структуры, либо они играют своеобразную роль триггера – переключателя из одного состояния сознания в другое.

Большое количество примеров мы можем почерпнуть в психиатрической феноменологии, но не потому, что подобные случаи наблюдаются только у душевно больных, а потому, что именно на примере таких лиц наиболее подробно изучались данные механизмы. На обычного человека вряд ли мы будем обращать пристальное внимание, если только он сам об этом не попросит. Например, в учебни-

ке К. Ясперса по психопатологии [5, с. 145–153] мы обнаруживаем великолепное описание своего состояния одной из бывших пациенток, больной шизофренией. Она описывала переизбыток эмоций, радость, и в то же время это возбуждение оценивалось как период полного распада. По всей видимости, речь идет о существовании нескольких закапсулированных структур, которые периодически переключались одно на другое. Этот пример воспроизводит Г. Элленбергер в статье «Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ».

«Во время периода возбуждения я не была настроена на неистовство, да даже никакого конкретного настроения и не было, – только чисто животное наслаждение от собственного движения. Это не похоже на дикое возбуждение того, кто собирается на кого-то наброситься. Вовсе нет! Это совершенно невинное чувство. Однако импульс бывал таким сильным, что я не могла удержаться и начинала прыгать. Я могла бы сравнить себя с диким кабаном или лошастью... Появлялись такая радость, переизбыток эмоций, удовольствие от жизни, которые я никогда не испытывала с подобной силой. Если говорить о памяти, то она была в порядке, хотя обычно я не помнила начало приступов возбуждения. Внешний стимул, например холодный пол, могли вернуть меня в сознание. Ты ориентируешься, все видишь, но не обращаешь на это внимания и никак не сдерживаешь свое возбуждение. Прежде всего, ты не обращаешь внимания на людей, хотя ты их видишь и слышишь. С одной стороны, ты боишься, как бы не упасть... Когда тебя останавливают или кладут в постель, ты удивляешься внезапности перемены, ты чувствуешь себя обиженной и начинаешь защищаться. Двигательный выплеск, вместо прыжков, принимает форму ударов, но это не признак раздражения. Нет никакой концентрации ума. Иногда, в моменты просветления, ты это замечаешь. Но не всегда! Но потом ты замечаешь, что не можешь построить предложение... Мне кажется, что это период полного распада... У меня никогда не было чувства смущения или собственной неполноценности. Я никогда не считала, что во мне что-то не так, хаос был вне меня. Я никогда не тревожилась. Я помню, как в ванной строила в зеркало разные гримасы, дурачилась... А еще помню, как иногда по вечерам произносила длинные речи, но не помню, о чем говорила: все ушло из моей памяти... все мысли смешались, они такие бледные, нечеткие, нет ничего ясного...» [6, с. 112].

Исходя из представленного материала, можно утверждать, что эмоциональная интенциональность является особой разновидностью познавательной интенциональности, и, не учитывая этого, мы отказываемся от больших пластов опыта, не извлеченных из памяти. Кроме того, эмоции выполняют роль катализатора и триггера по включению и переключению определенных пластов реальности. Но, с другой стороны, без корректировки когнитивной интенциональности эмоциональная интенциональность часто проявляется в мире неадекватно. Поэтому огромная роль когнитивного плана состоит в том, чтобы скорректировать опыт, неработанный эмоциями.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, – это связь эмоциональной и конативной интенциональностей. Под конативностью в данном случае мы будем понимать акт наделения смыслом, акт означивания, а также акт волеизъявления. Наблюдаются следующие закономерности. Неверно понимать, что означивающие акты связаны только с доксическими, или когнитивными, актами. Поскольку эмоциональная интенциональность также имеет познавательное качество, то она может непосредственно смыкаться с конативными актами, минуя когнитивную сферу. Здесь мы можем встретиться с типом фанатика, одержимого какой-либо идеей политического, религиозного или другого характера. Структура сознания данного субъекта оказывается довольно упрощенной. Такая структура

имеет в своей основе универсальные биполярные пары: сильный/слабый, люблю/ненавижу, друг/враг. Здесь на память приходит мысль М. Шелера об априорности ценностной структуры. На наш взгляд, М. Шелер ухватил исключительно важный момент существования некоей априорной структуры, которая связана с ценностным планом и проявляется через чувствование. Однако думается, что М. Шелер заблуждался в том пункте, где сводил переживание ценностей только к эмоциональному чувствованию. Ценностный план преломляется в индивидуальном сознании через наличие убеждений, идеалов, веры и т. д. Это и есть конативная интенциональность, но которая необходимо связана с эмоциональной интенциональностью.

Далее следует выделить аффективную интенциональность, к анализу которой обращается Э. Гуссерль в «Анализах пассивного синтеза» в период генетической феноменологии [9, с. 148–191]. Аффективность не есть наличие аффектов, и это не является эмоцией. Аффективность мы можем обозначить как силу, удерживающую и сохраняющую смыслы. Что касается репродукции-воспроизведения прошлого, то смыслы не всегда оборачиваются в пустую форму, но часто выходят из прошлого, вклиниваясь в настоящее. Это говорит об условности прошлого, которое продолжает существовать в акте повторения и воспроизводит когда-то сконструированные смыслы [2, с. 133–137]. Данная аффективность может быть связана с разнонаправленными когда-то смыслами, что привело их в свое время к конфликту и вытеснению. Либо же можно предположить, что человеческое сознание имеет множество конструкций, паттернов, или габитусов. Какой из них активизируется, будет зависеть от того, какой смысл оказывается наиболее значимым? Не случайно, делая акцент на какой-либо значимой ценности, политики и СМИ включают в общественном сознании соответствующую конструкцию поведения.

И, конечно, не следует забывать о необходимой связи эмоциональной интенциональности и соматических ощущений. Любая базовая эмоция оказывается привязанной к телу. Когда нами овладевает страх, мы начинаем дрожать, волосы встают дыбом, зубы стучат. Когда мы радуемся, то глаза начинают светиться, мы улыбаемся, смеемся.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что все представленные здесь феномены с необходимостью связаны между собой и образуют единую структуру. Конечно, каждый феномен уникален и обладает своей спецификой, и их следует тематизировать предметно. Что касается эмоциональной интенциональности, то она является разновидностью познавательной интенциональности и впоследствии отдает приоритет когнитивной интенциональности. Сама же эмоциональная интенциональность оказывается «фоном», на котором разворачивается и выстраивается хабитуальная структура сознания. Вследствие этого феномен эмоций тематизировать отдельно непросто. Обычно в рассмотрении останавливаются на тех эмоциях, которые по каким-либо причинам не вписались в общую структуру. Однако наличие эмоций уже предполагает некую структуру, даже если она и не входит в общую хабитуальную структуру или, по меньшей мере, не осознается внутри этой структуры. Здесь следует говорить об усложняющихся связях как внутри самой структуры сознания, так и за ее пределами. Например, можно предположить, что манипулирование сознанием имеет в основе какую-либо эмоцию, внедряемую в сознание, но внедрение происходит лишь в том случае, если данная эмоция когда-то уже была испытана, т. е. знакома сознанию.

Также мы можем отдельно говорить о соматической, эмоциональной, аффективной, когнитивной и конативной феноменологиях [11, с. 429].

На основании рассмотренного можно говорить о выявленном своеобразии эмоциональной интенциональности, а также о необходимых связях между всеми

феноменами сознания. Безусловно, данная тема имеет множество граней и требует более тщательного анализа, поэтому здесь мы прорисовываем только контур рассмотрения.

4. Эмоциональная интенциональность в структуре хабитуальности

Следующий аспект, который хотелось бы обозначить, заключается в прояснении места, которое эмоциональная интенциональность занимает в контексте хабитуальной структуры целостного сознания.

Под хабитуальностью сознания будем понимать стремление эго воспроизводить свои прежде встречавшиеся акты. Почему подобный феномен имеет место – тема достаточно сложная. В данной статье мы отметим лишь ряд моментов. Во-первых, всякий интенциональный акт не только имеет направленность на что-то, но также имеет свою нозму. И он стремится возвратиться к той же самой нозме. Другими словами, в бесконечном потоке сознания, несмотря на ретенциональное затухание, протенциональные позывы пробуждают ушедший в прошлое акт и возвращают его к той же самой нозме [2, с. 135–136]. На примере эмоциональной интенциональности мы наблюдаем постоянный возврат к тем эмоциям, которые долгое время были преобладающими в нашей жизни. Долгое время, находясь в угнетенном состоянии, мы привыкаем к нему и ожидаем, что все будущие события также окрасятся в печальный цвет. Однако здесь происходит различие. Безусловно, в нашей памяти хранится множество эмоций, но ожидаем и актуализируем мы не все, а лишь те, которые соответствуют нашим убеждениям и суждениям. Здесь мы опять наблюдаем необходимую связь между когнитивным, ценностным и эмоциональным планами. Поэтому можно сказать, что хабитуальность не есть всеохватывающее воспоминание, но лишь то, на чем мы активно настаиваем. Если многие эмоции конституируются через пассивное синтезирование, то в хабитусе сознания они сохраняются активно. Это пример функционирования нормального сознания. Если же активное синтезирование и волевая интенциональность по каким-либо причинам повреждены, то в хабитуальной структуре оказывается множество эмоций и аффектов, не обеспеченных необходимой связью доксической и ценностной интенциональностей.

Во-вторых, нормальная активность хабитуального сознания обусловлена деятельностью протенциональной интенциональности, т. е., другими словами, направленностью в будущее. Если же по каким-либо причинам функционирование внутренней темпоральности оказалось нарушено, то субъект может либо полностью погружаться в прошлое, либо фиксироваться в моменте настоящего. Второй пример имеет место при шизофрении. Идентичность личности теряется, либо одно эго конституирует в себе множество хабитусов, в которые попеременно перепрыгивает.

В-третьих, необходим момент пространственной корреляции эго и окружающего мира. Об этом пункте Э. Гуссерль говорил еще тогда, когда рассматривал Я как полюс *cogitationes* и противопоставлял ему предметный полюс как субстрат постоянных признаков [10, с. 100]. Здесь прослеживается сходство в конституировании хабитуальной структуры Я и предметности окружающего мира, который сохраняет в себе устойчивые признаки, и благодаря этой устойчивости мы можем воспринимать один и тот же предмет. При нарушении данной корреляции устойчивая связь с миром теряется, и думается, что тогда признаками реальности окружающего мира будут наделять такие акты сознания, которые, по сути, не являются объективирующими, а именно, не только восприятие, но и фантазию, память, сновидение, без различия между этими актами.

В-четвертых, поскольку всякое интенциональное переживание погружается в сферу бесконечности опыта, то нормальная хабитуальная структура не есть нечто застывшее, а представляет собой промежуточную точку, предполагающую воз-

можную корректировку в будущем. Здесь имеется в виду горизонт хабитуса как потенциальность движения нашего сознания во времени и в пространстве. Поэтому структура повторения незримо смещается, изменяется. А персональное эго оказывается постоянно становящимся в горизонте бесконечных возможностей [7, с. 290–299].

Итак, можно сделать вывод, что эмоциональная интенциональность представляет собой первичную структуру, дающую «материал» для активно конституируемой, или хабитуальной, структуры сознания. Также представляется важным необходимым включение как можно большего эмоционального содержания в структуру хабитуса. Несмотря на то что суть хабитуальной структуры заключается в устойчивости и повторении как структуры Я, так и предметности окружающего мира, жесткость такой конструкции приводит к искажению, как в содержательном плане, так и в темпорально-пространственном. И катализатором искажений в первую очередь выступает эмоциональная интенциональность.

В заключение хотелось бы отметить, что задачи, предлагаемые для рассмотрения, требуют более глубокого анализа, что в рамках статьи сделать невозможно. Цель, заданная автором, заключалась в том, чтобы, для начала, обозначить и выявить круг проблем, требующих дальнейших исследований.

Литература

1. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения : избранные работы. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
2. Козырева А. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 131–138.
3. Чухина Л. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. Послесловие // Шелер М. Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
4. Шелер М. *Ordo Amoris* : избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
5. Ясперс К. Общая психопатология. – М. : Практика, 1997. – 1056 с.
6. Элленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя. – М. : Апрель Пресс & Эксмо-Пресс, 2001. – 171 с.
7. Bergmann W. Habitualität als Potentialität: Zur Konkretisierung des Ich bei Husserl // *Husserl Studies*. – 1984. – № 1. – P. 281–305.
8. Elpidorou A., Freeman L. The Phenomenology and Science of Emotions: An Introduction // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2014. – № 13. – P. 507–511.
9. Husserl E. *Analysen zur passiven Synthesis: Husserliana. Band XI*. – Den Haag : M. Nijhoff, 1966. – 533 с.
10. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge: Husserliana. Band I*. – Den Haag : M. Nijhoff, 1973. – 249 с.
11. Kriegel U. Towards a New Feeling Theory of Emotion // *European Journal of Philosophy*. – 2014. – № 22.3. – P. 420–442.
12. Sartre J.-P. *Sketch for a Theory of the Emotions*. – Methuen & CO LTD, 1962. – 94 с.
13. Brentano Ф. О любви и ненависти [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000727/> (дата обращения: 05.12.2016).
14. Джеймс В. Психология [Электронный ресурс]. – URL: <http://psylib.org.ua/books/james02/index.htm> (дата обращения: 05.12.2016).

Tatyana Aleksandrovna Terentyeva,

Postgraduate Student, Ural Federal University named
after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**The Phenomenology of Emotions in the Context
of the Habitual Structure of Consciousness**

This paper concentrates on identifying and defining phenomenology of emotions. The author strives to distinguish a variety of consciousness phenomena which are included in the unified structure of consciousness, and to identify characteristics of emotional intentionality. The problems proposed for solution are the following: firstly, there is an attempt to separate the phenomenon of emotions from its uncharacteristic predicates, i. e. to identify the phenomenon itself. Secondly, the aim is to identify the necessary connections between all the phenomena of consciousness. Thirdly, the article outlines the emotional intentionality in the context of habitual structure of the consciousness as a whole.

Key words: phenomenology; phenomenology of emotions; cognitive phenomenology; somatic phenomenology; conative phenomenology; intentionality; emotional intentionality; cognitive intentionality; affectivity; habituality.